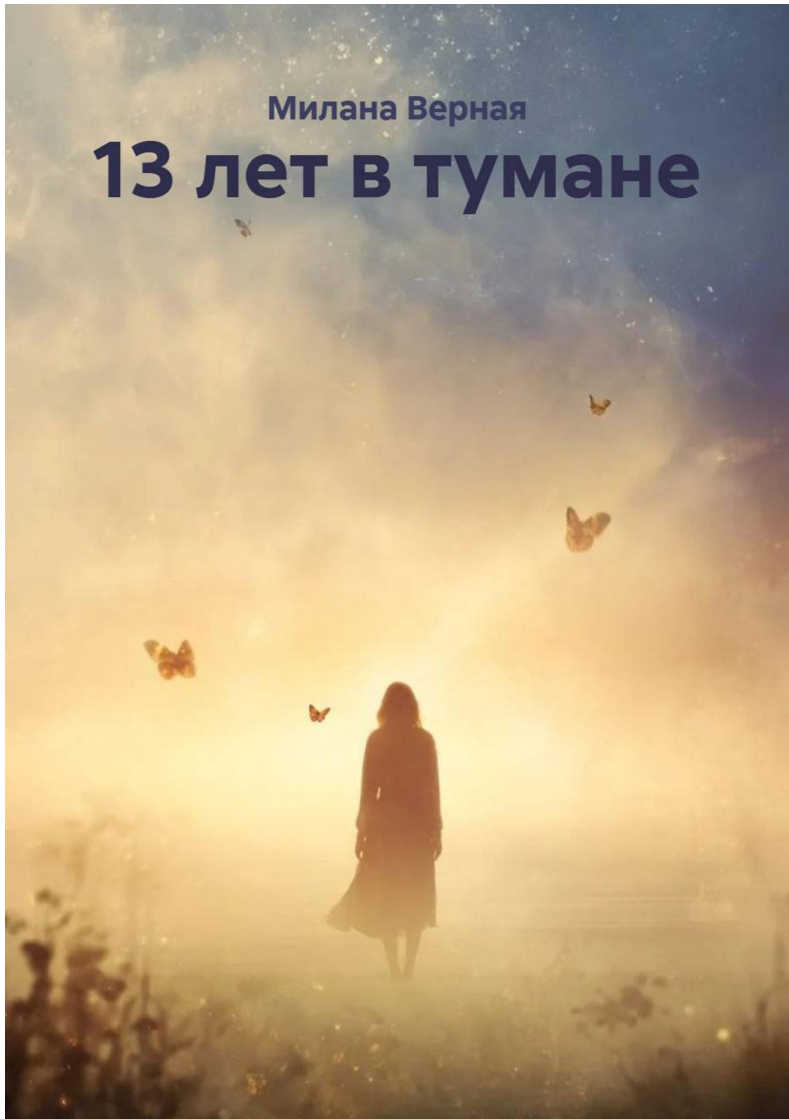

Милана Верная

13 лет в тумане

Милана Верная

13 лет в тумане

<https://litres.ru/74215478>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я — врач. Я привыкла ставить диагнозы и лечить других. Но главный диагноз в своей жизни мне пришлось ставить самой себе».

13 лет в токсичном браке, чувство вины, потеря себя. А затем — развод, одиночество, работа над собой и переезд в новый город. Честная история женщины, которая решилась вырваться из круга обесценивания и страха. Для тех, кто боится признаться себе, что что-то не так. Для тех, кто потерял себя и хочет вернуться к жизни.

Содержание

Введение	4
Часть 1. 13 лет в тумане	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Милана Верная

13 лет в тумане

Введение

По профессии я врач. Я привыкла ставить диагнозы и лечить других. Но главный диагноз в своей жизни мне пришлось ставить самой себе.

Эта книга — не мемуары и не биография. Это история женщины, которая 13 лет пыталась «реанимировать» свой брак и не теряла надежды. Но, главное, это история многих из нас.

Если вы боитесь признаться себе, что что-то не так. Если у вас больше нет сил терпеть и ждать. Если вы потеряли себя в отношениях и считаете, что проблема в вас — остановитесь. Эта история для вас.

Я хочу, чтобы вы почувствовали: вы не одна. И у вас есть силы сделать шаг. Тот самый шаг, после которого вы снова станете настоящей. Живой и свободной.

Сейчас я нахожусь в точке перелома. Я готовлюсь к переезду в другой город с двумя детьми, с огромной верой в будущее. И пишу эти строки прямо сейчас, сидя на чемоданах. Возможно, когда книга будет закончена, я уже буду жить в новом мире. Но это уже совсем другая история.

А пока — начнем с самого начала. С истории моей болезни и выздоровления.

Часть 1. 13 лет в тумане

Тот самый взгляд

Помню нашу первую встречу. Я шла на курсы и почему-то чувствовала: сегодня что-то произойдет, я кого-то встречу. Это было странно, потому что я только что пережила тяжелый разрыв — семь лет отношений, четыре из которых на расстоянии, закончились. Мне нужно было переключиться, найти силы жить дальше.

И я его увидела. Он стоял в холле в ожидании занятий и сразу показался мне высокомерным и опасным. Голубые глаза и светлые волосы. Его холодный и в то же время нескромный взгляд. Он осмотрел меня с головы до ног и будто ухмыльнулся. Уже задумал что-то на мой счет. Я сразу почувствовала это. Его интерес ко мне. Почему мы так тянемся к таким мужчинам? Почему внутренний голос, который кричит «отойди», мы слышим как сигнал «иди к нему»?

Позже я поняла, что он из тех мужчин, кто ведет счет победам. Но тогда я повелась на классический сценарий: он дал мне понять, что я особенная, не такая, как все. Он почти сразу признался, что устал от легких отношений и хочет жениться.

Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, как работали его ходы. То он был нежным и внимательным, то вдруг становился недоступным, загадочным, с тяжелым детством, которое

его сломало. И я, как хороший доктор, повелась. Мне захотелось его спасти. Вылечить все раны, дать ему ту любовь, понимание и поддержку, которых он был лишен. Я искренне верила, что моей любви хватит на двоих.

И ведь уже тогда, в самом начале, мой разум кричал: «Остановись! Это не твой человек». Но сердце... сердце чувствовало иначе. Оно вело меня, и я шла, заглушая голос здравого смысла.

Сейчас, пройдя этот путь до конца, я понимаю: мне нужно было пройти через это. Чтобы измениться. Чтобы у меня родились именно эти дети. И если бы я знала тогда, чем все закончится, я бы не стала ничего менять. Потому что иначе я бы не стояла сегодня здесь, на пороге новой жизни.

Молчаливый жених

В итоге мы поженились. То ли я действительно была для него особенной, то ли просто удобной и наивной — теперь не важно. Мы почти сразу стали жить вместе, а через два года сыграли свадьбу. Всю подготовку я вела сама. Он практически не участвовал.

Сейчас я бы назвала это красным флагом. Но тогда я не требовала, не спрашивала. Я просто находила оправдания: занят, устал, мужчинам это неинтересно.

Он умел делать так, чтобы я чувствовала себя виноватой. Виртуозно. Например, он убедил меня, что проблема не в нем, а во мне: это мне не хватает нежности и близости. Сама

природа секса для него была «грязью», нужной только для зачатия. А для зачатия, по его логике, достаточно близости раз в месяц. «Нормальные женщины сразу беременеют», — говорил он. «А мы можем просто валяться и обниматься», — добавлял он, обнимая меня и сильнее прижимая к себе.

Но мне этого было мало. Сначала я включила врача. Я искала литературу, пыталась понять, что с ним: патология? травма? Я хотела поставить диагноз и вылечить его. Думала, что только я, с моей любовью, смогу ему помочь. Я молчала, боясь обидеть.

А потом я сломалась. Я поверила, что проблема во мне. У него большой опыт, он «искушенный потребитель», и он — мой первый мужчина, что я могу ему дать?

Я чувствовала себя несексуальной, ненужной. Мысли об изменах проскакивали, но он ловко их гасил, выставляя меня сумасшедшей. Я терпела. Я надеялась, что все изменится. Я думала: «Вот родятся дети — и все станет хорошо».

Белая ворона

Дети не получались. Долго. Я винила себя. Я уже забыла о том, как сильно хотела их, — вся энергия уходила на попытки выполнить эту «женскую обязанность».

Вы даже не представляете... Хотя многие из вас, к сожалению, знают это очень хорошо — на что готова женщина, чтобы забеременеть. Все силы, все деньги, все мысли — только об этом. Бесконечные обследования, процедуры, надежды и

падения. И главный вопрос: «Почему?». Со здоровьем всё в порядке, у обоих. А чуда нет. Экология? Несовместимость? Или природа просто считает, что мы не готовы?

Это превращается в навязчивую идею. И это, кстати, тоже был красный флаг. Но я боролась с ним, не замечая.

Я помню встречи с друзьями, у которых уже были дети. Ты сидишь и чувствуешь себя белой вороной. У тебя нет историй про подгузники, первые шаги, бессонные ночи. Ты улыбаешься, слушаешь, а внутри — пустота и боль. Ты тоже хочешь это испытать, но не можешь. И начинаешь верить: с тобой что-то не так. Ты неполноценна.

Знаете, в тот период он меня «поддерживал». По крайней мере, мне так казалось. Он терпеливо ходил со мной по врачам, проходил все исследования.

Вина душила меня так сильно, что однажды я решила его отпустить. Мы сидели на кухне на диване. Я сказала ему: «Я не могу родить тебе детей. Но я хочу, чтобы ты был счастлив, и у тебя была полноценная семья. Если ты решишь уйти, я тебя отпущу». Мне было горько это говорить. Но я чувствовала, что должна дать ему этот выбор.

Он не ушёл. Он обиделся. Сказал, что я всё придумала, что он со мной несмотря ни на что. И какой же это был мужественный, великодушный поступок, думала я тогда. Как сильно я его подвела.

Только сейчас я понимаю, что это был просто ещё один флаг. Ему не нужны были дети. Ему нужна была удобная же-

на, привязанная к нему чувством вины.

Давление извне усилилось. Родственники, друзья, окружение: «Почему нет детей?». Некоторые пытались поддержать: «Всё будет хорошо», «Ваше время ещё придёт», «У вас обязательно получится». От этих фраз становилось только хуже. Муж стал относиться хуже.

Начались придирки. Я не так убирала (уборка — правда не моё), не так гладила, не так готовила. Он постоянно указывал на ошибки, но никогда не говорил, как правильно. Я должна была догадаться сама. Я искала решение 13 лет. Но как бы я ни старалась, всё было «не так».

Помню, однажды я приготовила невероятный обед, вложила душу. В ответ слышала сухое: «Пойдёт». Это была высшая оценка.

Сначала я думала: может, он просто не умеет хвалить? Но потом я замечала, как восторженно он отзывался о блюдах своей тёти или других женщин. Он умел. Просто не хотел — для меня.

И тогда во мне поселилась мысль: я плохая хозяйка, плохая жена. Я буду плохой матерью. Наверное, поэтому у меня нет детей. Это убеждение въелось в меня очень глубоко.

Помню, как искала курсы по кулинарии, хотела научиться готовить — для него. Чтобы он восхищался мной так же, как другими. Но не смогла выделить на это ни средств, ни времени. Тогда я пыталась учиться онлайн. Смотрела видео, чётко следовала рецептам. Уходило очень много сил. И каж-

дым новым блюдом жила надежда: вот сейчас — точно получилось. Сейчас он попробует и похвалит. Но ничего не менялось. Высшая оценка оставалась прежней.

Я пыталась говорить с ним. Мне казалось, его неумение говорить о чувствах — это броня, которую я смогу растопить своей любовью.

Но каждый разговор заканчивался одинаково. Сначала он переводил всё в шутку. Потом отмалчивался, и мне приходилось додумывать за него. А если я настаивала — злился и проявлял агрессию.

Со временем я научилась молчать. Я научилась отвечать за него, принимать решения за нас двоих. Его это устраивало. Ведь если что-то шло не так, всегда можно было сказать: «Это ты решила, я тут ни при чём».

Я не хотела видеть эти флаги. Я принимала его любим. Я считала, что заслуживаю именно такого отношения.

И продолжала надеяться. Все 13 лет.

Сон

Итак, спустя 4 года мучительных исследований, процедур, попыток ЭКО и бесчисленных тестов на овуляцию мне приснился сон.

Мне приснился мальчик. Ему было года два или три, светлые волосы, смешные розовые щечки. Он подошел ко мне во сне, доверчиво прижался и... просто помочился мне в руки. Это было так по-детски, так естественно. Я проснулась

от этого ощущения тепла — и сердце уже колотилось. Я еще не открыла глаза, но уже знала: всё. Получилось.

Я побежала делать тест. Руки тряслись. И там — две полоски. Наконец-то.

Я не стала придумывать особых способов, чтобы сообщить мужу. Мы так долго шли к этому, я думала, он будет так же счастлив. Я подбежала к нему с тестом, с улыбкой, с мокрыми глазами.

— Милый, получилось. Смотри, получилось! Я беременна.

А он посмотрел так спокойно, ничего не сказал и только чмокнул меня с той же его ухмылкой. И так как я уже привыкла придумывать ответы за него, в моей голове возник ответ: «Посмотрим. Попробуй выноси сначала».

Радости не было. Было снисходительное ожидание. И пустота внутри.

Мама без радости

Беременность оказалась непростой. Хотя разве они бывают простыми?

Раньше я тревожилась, что не могу забеременеть. Теперь я тревожилась, что не смогу выносить. На раннем сроке открылось кровотечение. Я помню этот ужас: неужели я и здесь не справлюсь? Неужели я так и не стану мамой?

Поддержки от мужа не было. Совсем. Той поддержки, в которой я нуждалась. Мне назначили постельный режим и

препараты. Ребенка удалось сохранить.

Всю беременность я боялась. Я правильно питалась, пила лекарства, ходила по врачам. Я погрузилась в это с головой. И при этом я продолжала работать. Всегда. Я совмещала работу в трех-четырёх местах одновременно.

Муж зарабатывал немного. Я не требовала, я понимала: ему нужно время, чтобы найти себя, заняться любимым делом. Он говорил, что должна быть одна такая работа, где достойно платят, — и он ее ищет.

Сейчас я понимаю, что это был очередной флаг. Тогда я просто тянула всё на себе.

Роды случились ровно в срок. Муж был на работе. В роддом меня отвез мой отец.

Меня осмотрели и оставили. Я едва успела позвонить мужу, сказать, где я. Связь в роддоме ловила плохо, а потом у меня забрали телефон вместе с вещами.

Роды были тяжелыми. С осложнениями. Для меня, не для ребенка. Врачи справились, но впереди был долгий восстановительный период. Было страшно. Хотелось поддержки мужа и его теплых слов. Но уже тогда я поймала себя на мысли, что не получу от него этого.

А через некоторое время муж рассказал, что он приезжал и стоял под окнами роддома в ожидании и беспокойстве обо мне. Тогда меня это тронуло. И я решила, что все может наконец-то измениться.

Я кормила грудью.

Знаете, женщины, которые кормят грудью и которым это дается непросто, — настоящие героини. Кто-то скажет: «Это же естественно, это природа». Если вы не кормили, если у вас не было застоев каждую неделю, если вам не приходилось бесконечно сцеживаться и разрабатывать грудь через боль — вы не знаете, о чем речь.

Я знаю.

Итак, я мама. Долгожданное чудо случилось. Мне казалось, я готова выдержать любые сложности. Сначала я так гордилась собой. Сначала я так радовалась, что я мама. Я смогла забеременеть, когда уже надежды почти не было. Я сохранила и выносила беременность, несмотря на риск выкидыша. Я смогла родить. Родить сама, невзирая на все осложнения.

Но всё шло не так.

Ребенок был тревожным. Я тоже тревожилась. Хотелось всё делать правильно. А мы не знали, как правильно. В книжках написано: купать каждый вечер. Значит, надо купать. Даже если он крепко уснул, а мы его разбудили, чтобы искупать, а потом снова укладывать. И мы удивлялись: почему ребенок недоволен?

Сейчас это кажется глупым. Тогда — это была жизнь.

Спали мы плохо. Малыш часто просыпался, плохо брал грудь. Я постоянно сцеживалась. Купила профессиональный молокоотсос — обычные не справлялись. Он был электрический и громко гудел.

Муж не высыпался. Он перешел в другую комнату.

Я не возражала. Я понимала. Он же уставал на работе. А то, что я не спала сутками, — это было нормой. Это была моя обязанность.

И снова пришла вина. Я виновата, что ребенок плохо спит. Я виновата, что не справляюсь с кормлением. Я виновата.

То, что я наконец-то смогла забеременеть и родить, не стало чудом. Это не изменило его отношение ко мне. Подарков не было. Признания не было. Я просто стала мамой, которая теперь еще и плохо справляется с материнством. Я так ждала этого чуда, а оно обернулось новой порцией вины.

Плохая хозяйка

Претензии стали громче.

Дома бардак. Обед не приготовлен. Ребенок кричит.

— У других женщин по четверо детей, и они всё успевают. А ты с одним не можешь.

— Да, не могу, — ответила я вслух. Устало, без надежды на понимание.

Он усмехнулся. Этой своей кривой ухмылкой.

— Ну вот видишь, ты сама признаёшь. А ещё врач. Должна всё успевать, а не ныть.

Я не стала возражать. Я понимала, что не справляюсь. А он только что подтвердил мою никчёмность.

Но помощи не было. Я слышала только одно: «Место женщины на кухне, у плиты». «Доля твоя такая — ждать и тер-

петь».

Мой муж вбивал мне эти установки каждый день. Человек, которого я любила. Которому доверяла.

И я верила. Я правда верила, что со мной что-то не так. Что я единственная женщина в мире, которая не справляется с простыми вещами.

Иногда разум давал сигнал. Я ловила себя на мысли: а какие тогда обязанности у него? Почему всё — только мое? И быт, и деньги, и ребенок, и его комфорт?

Но когда я пыталась заговорить об этом, я получала привычную реакцию. И замолкала.

Я продолжала терпеть. И ждать. Я думала: есть же какое-то волшебное лекарство, которое я, как хороший врач, смогу найти. Я вылечу наш брак. Я ведь так хотела семью. Я так хотела это женское счастье.

40 минут

Шло время. Лучше не становилось.

Однажды он согласился пойти гулять с ребенком. Я осталась дома, чтобы хоть немного прибраться.

Он продержался 40 минут.

Ребенок плакал, не засыпал. Муж позвонил и стал орать в трубку:

— На меня все смотрят! Я не могу его успокоить! Это ты виновата! Забери его!

Я бросила швабру, быстро переоделась и, не расчесав-

шись, побежала к ним.

Муж стоял весь красный, со сверкающими от злости глазами. Я боялась этого взгляда. Потом я часто видела этот взгляд. В такие моменты я никогда не знала, чего ждать от него и что будет дальше.

Я забрала коляску и пошла укачивать сына сама. А он пошел домой — отдыхать.

Больше я его не просила. Больше он не гулял.

По выходным я вставала рано, тихо собирала ребенка и уходила на улицу, чтобы дать мужу выспаться. Ведь это я виновата, что ребенок плохо спит ночью.

Палочка-выручалочка

Когда малышу было 9 месяцев, я вышла на подработку. Работала по субботам, чтобы не терять навыки и хоть немного переключаться от домашней круговерти.

Сын оставался с моими родителями. Только они мне помогали. Если бы не они — я не знаю, как бы выжила. Ребенок прекрасно ладил с бабушкой. Это была моя палочка-выручалочка.

Но мужа это бесило. Он всегда находил, к чему придраться: не тем покормили, грязного вернули, не так одели. Он поливал грязью моих родителей, но я не могла отказаться от их помощи. И не могла запретить им видеть внука.

Я разрывалась между ними. Переставала понимать, кто прав. Я просто терпела.

Такие придирки становились всё чаще. Моими родителями он был недоволен всегда. С подругами я тоже перестала видаться. Сначала — потому что не было времени и сил. Позже — из-за чувства вины. Ведь дома бардак, а я куда-то собралась. Я стала бояться его реакции, его осуждения, его недовольства.

Подруг он недолюбливал почти всех. Считал, что они на меня плохо влияют. Особенно тех, которые могли позволить себе спорить с мужьями.

Так, шаг за шагом, я социально выпала. Сначала из жизни родителей, потом из круга подруг. Остались только он, сын и бесконечное чувство, что я всё делаю не так.

Зов дочери

На второго ребенка я решилась, когда сыну было меньше двух лет. Я всегда хотела троих детей и понимала: если рожать ещё, то сейчас. Муж старше меня на восемь лет, да и я не молодела. Я не хотела, чтобы, когда он поведёт ребёнка в школу, все думали, что это дедушка. Сейчас, записывая эти строки, я уже не помню точно, чьи это были мысли — мои или его. Но тогда они казались моими.

И тут мне стала сниться дочь. Сначала — маленькая девочка с тёмными волосами, нежная и ранимая, совсем малышка. Потом — девочка постарше, лет шести-семи, со светлыми волосами, активная и очень жизнерадостная. Во сне они выглядели по-разному, но я почему-то знала: это

один и тот же ребёнок. Она будто звала меня, хотела прийти в этот мир. Только позже я поняла, что значили эти сны.

На этот раз я всё рассчитала и забеременела сразу. Выходит, логика мужа оказалась верной: чтобы забеременеть, действительно достаточно близости раз в месяц. Просто нужно знать, когда именно. Беременность и роды прошли спокойно. Родилась девочка... с чёрными волосами. Но со временем, ближе к двум годам, они начали светлеть. Это было так необычно, но для меня всё встало на свои места: сны не обманули, моя дочь действительно прошла этот путь — от тёмной малышки до светловолосой жизнерадостной девочки.

Но отношение мужа не изменилось.

Он постоянно уезжал на дачу — все выходные, весь отпуск. Появились новые друзья, рыбалка. Я не запрещала. Я понимала: ему трудно в доме с маленькими детьми и тревожной женой. Ему нужно отдыхать, переключаться.

Хотя внутри я чувствовала: он просто сбегает от нас.

Выдох

С двумя детьми было тяжело. Муж не помогал, претензии не прекращались.

Но вдруг я заметила странную вещь: когда его не было, становилось легче. Дети были спокойнее. Я была спокойнее. Мы справлялись лучше без него.

А потом случился ковид. Его отделение закрыли на карантин, и он 1,5 месяца жил отдельно.

Я осталась одна с детьми. Сады не работали, дочь была малышкой. Было очень трудно.

И тогда я поняла: я выдохнула. Мне было спокойно и комфортно. Так комфортно, как не было рядом с ним.

Я боялась признаться себе в этом. Боялась признаться, что не хочу, чтобы он возвращался. Что можно жить иначе.

Он вернулся. Говорил, что не выдержал без нас, что соскучился. Первое время был внимательным. Но это быстро прошло. Всё вернулось на круги своя, даже хуже. Теперь его раздражение стало искать новую мишень — детей.

Под столом

Постепенно обстановка ухудшалась. Муж стал срываться на детей.

Я не хотела подрывать его авторитет и не вмешивалась во время разборок. Потом пробовала говорить, что так нельзя. Но получала порцию нравоучений: так и нужно, иначе вырастут неженками.

И тогда я сама стала применять его методы. Когда дети капризничали, я не выдерживала, срывалась. Потом чувствовала вину и корила себя. Вспоминала его слова, но внутренний голос упрямо твердил: нет. Так нельзя. Это неправильно. Но я уже не понимала, где правда, а где ложь.

Как это обычно бывало.

Он не давал детям плакать. Запрещал. Не выдерживал. Действительно, когда ты сам на пределе, детский плач выно-

сильно не просто. А маленькие дети плачут часто. И это нормально — им нужно выражать эмоции. Но муж требовал тишины. И это только усугубляло ситуацию: запрет на слёзы оборачивался часовыми истериками.

Он угрожал ремнём. Я не помню, чтобы он их бил, но дети тряслись от страха и пытались проглотить слёзы, лишь бы он замолчал.

Конечно, это были красные флаги. Игнорировать их становилось всё труднее. Но как поступить правильно, я не понимала.

Одним из таких флагов — и, как оказалось, сигналом к действию — стал один случай.

В очередной детский плач муж не смог успокоить малышку. Ей было года четыре. В какой-то момент он взял ремень.

Когда я вошла в детскую, картина остановила сердце. Дочь забилась под стол и орала как загнанный зверёк. Вся красная, трясущаяся, на глазах — застывшие слёзы. А он стоял над ней и размахивал ремнём.

Во мне всё взорвалось. Хотелось выхватить этот ремень, выкинуть, а следом выгнать и его. Но внутри зазвучал чужой голос — та самая установка, которую мне вбивали годами: «Не подрывай авторитет. Он же отец. Ты не имеешь права вмешиваться».

Я сжала зубы и стерпела. Вышла.

Но этот случай засел во мне занозой. Я не спала ночь, прокручивая в голове её испуганные глаза. И впервые подумала

отчётливо: если я сейчас не вмешаюсь, если не защищу их, кто это сделает? Он не остановится сам. Чтобы защитить их, надо было сначала понять, что происходит со мной. Заглянуть внутрь. Туда, где уже много лет жил страх.

Что было внутри

Так шли годы. Я всё искала то самое лекарство — формулу, которая исцелит наш брак. Надежда не покидала меня. Сейчас, оглядываясь назад, я удивляюсь: почему я терпела так долго? И сколько ещё могла бы продержаться, если бы не цепь событий, которые заставили всё измениться?

Пытаюсь вспомнить свои ощущения. Сначала это была вина. Бесконечная, липкая, всепроникающая. Потом — сомнения, переживания, борьба. Я искала причину в себе, копалась в своих ошибках, пыталась стать лучше. И в этом поиске постепенно теряла себя.

Со временем я перестала доверять себе. Своему чутью, своей интуиции, своему восприятию реальности. Я верила ему. Он говорил — я принимала. Он отрицал — я сомневалась в собственных глазах.

А потом начались срывы. Приступы агрессии, которые становились всё чаще. Я начала бояться. За себя. За детей. Предложила обратиться к психологу — услышала в ответ:

— Ты сначала сама сходи. А я посмотрю на результат и подумаю.

— Это у тебя проблемы, ты и иди.

Я помню один эпизод. Очень чётко.

Как-то я пыталась навести порядок на кухне. Протирала пыль на полках. Там стояли статуэтки, часы и недавно купленный мной деревянный кораблик для сына — миниатюрная модель, очень необычный и красивый. Муж сидел рядом, и я буквально кожей чувствовала его недовольство, напряжение, которое висело в воздухе.

Рука дрогнула. Кораблик упал на пол. Одна из мачт сломалась — пустяк, её легко можно было приклеить. Я отошла к раковине, чтобы прополоскать тряпку.

А он взял в руки кораблик. Посмотрел на него. И вдруг, без единого слова, с силой швырнул его в мою сторону.

— Смотри, что ты наделала! — заорал.

Кораблик пролетел в сантиметрах от моего лица, ударился о холодильник и разлетелся на куски.

Я замерла. Оцепенела. Не могла пошевелиться. В голове билась только одна мысль: если я сейчас промолчу, дальше будет хуже. Он позволит себе больше. Я с трудом разлепила губы и выдавила:

— Если такое ещё раз повторится, меня и детей ты больше не увидишь.

Он усмехнулся. Той самой кривой, снисходительной усмешкой, которую я так хорошо знала.

— Да что ты, — бросил он насмешливо.

И ушёл в комнату.

А я — в ванную. Закрывает дверь, села на край и зажала рот рукой, чтобы он не услышал. Меня душили слёзы. Я тряслась так, что стучали зубы. И впервые в жизни подумала ясно, отчётливо, без привычного тумана вины: а ведь я правда могу уйти. Не просто пригрозить — а взять и уйти. Потому, что если он посмеялся над этим, значит, дальше будет только хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.